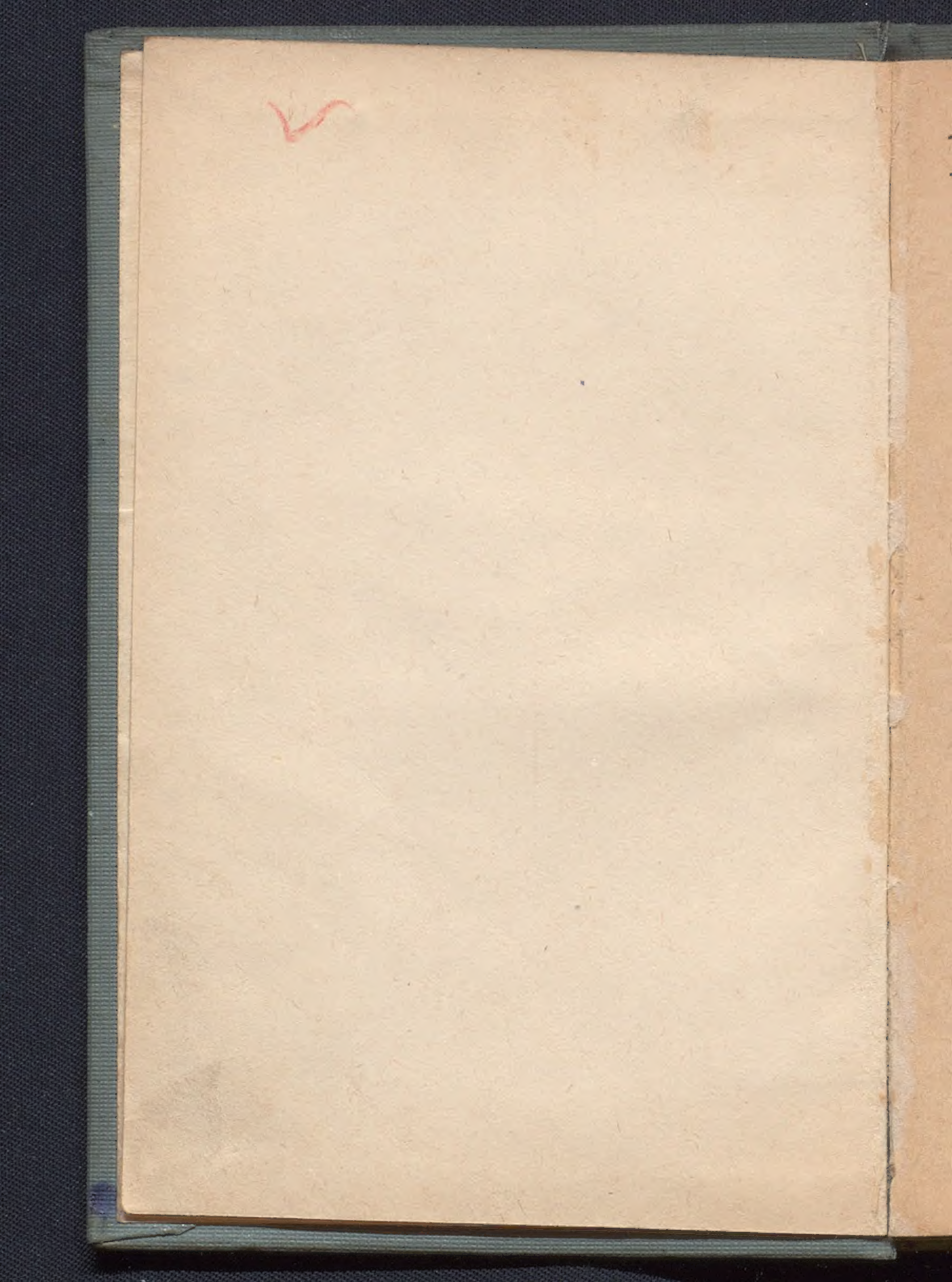
ЛИЙ АНДРОНИКОВ

ЖИЗНЬ ЛЕРМОНТОВА

1939

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

ЖИЗНЬ ЛЕРМОНТОВА

ЦК ВЛКСМ
Издательство Детской Литературы
Москва 1939 Ленинград

М. Ю. Лермонтов.
С портрета работы П. Заболотского, 1837 г.

1

Утром 9 февраля 1837 года по Петербургу разнесся слух, что Пушкин стрелялся накануне на дуэли с Дантесом и ранен смертельно.

Эта весть облетела весь город с необыкновенной быстротой. На Невском, в кондитерской Вольфа, где Пушкина видели еще вчера, в книжной лавке у Смирдина разговоры шли только о дуэли. Знакомые и незнакомые собирались кучками и, сообщая друг другу новые подробности поединка, сочувствовали Пушкину и с жаром обвиняли Дантеса.

Рассказывали, что Дантес ухаживал за женой Пушкина и что голландский посланник барон Геккерн, усыновивший молодого француза, уговаривал ее бросить мужа.

Рассказывали об анонимных письмах, отравивших жизнь Пушкина, и о том, что он стал жертвой тайной интриги, которую сплели вокруг него люди из высших слоев светского общества.

Сочувствие к Пушкину и возмущение против Дантеса было всеобщим. Люди, никогда даже в глаза не видавшие Пушкина, приезжали и посылали узнать о его здоровье. К вечеру на

Мойке, у подъезда дома княгини Волконской, где жил и теперь умирал Пушкин, стояла уже огромная толпа, с тревогой ожидая известий и обступая каждого выходившего из квартиры.

Пушкин умер 10 февраля (нового стиля) в 2 часа 45 минут пополудни.

У Певческого моста на Мойке не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа, кареты, возки, экипажи с утра до ночи осаждали дом; извозчиков нанимали, говоря только: «К Пушкину».

В его тесной квартирке два дня подряд толпились люди всех возрастов, сословий и званий: женщины, старики, дети, чиновники, литераторы, «простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях». Несколько десятков тысяч человек пришло поклониться праху поэта. Гибель его стала всенародным горем.

«Это было уже похоже на народную манифестацию, на очнувшееся вдруг общественное мнение», записал современник. «Если бы в России была возможна революция, она вспыхнула бы из-за гибели Пушкина» — таково было впечатление иностранца.

Царь и придворные были испуганы стихийным проявлением сочувствия к Пушкину и славой убитого ими поэта. Печатать что-либо о его смерти было запрещено. Журналист Краевский, посвятивший памяти Пушкина несколько сочувственных строк в газете, получил строгое замечание.

И в эти самые дни по Петербургу стало распространяться стихотворение, в котором с поразительной силой выразилась всенародная скорбь о погибшем поэте.

Каждая строчка стихов, обращенных к Пушкину, была полна любви и горя, каждое слово дышало ненавистью к его убийце и подлым клеветникам, погубившим Пушкина. В этих стихах выражалось то, что думал и чувствовал в эти дни каждый русский.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар,
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. Издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал

Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

Стихотворение было так скоро написано, что уже в день смерти Пушкина какой-то литератор декламировал его среди кучки молодежи в

кондитерской лавке Вольфа. Тут же, в кондитерской, спросив чернил и бумаги, каждый списал себе копию, и в два дня стихи облетели весь город, «переписывались, перечитывались и выучивались всеми».

Автором этих стихов был двадцатидвухлетний корнет лейб-гусарского полка Михаил Лермонтов.

О нем заговорили. Удивлялись тому, что начинающий поэт написал прекрасные стихи, обнаружившие зрелость таланта. В литературном кругу его не знали. Говорили, что он внук старухи Арсеньевой; у нее были связи в свете.

Кто-то помнил, что года за два перед тем в журнале была напечатана восточная повесть в стихах — Лермонтова. Она прошла тогда незамеченной.

Удивлялись даже те, кто встречал его прежде. Внешность некрасивого, невзрачного офицера не вязалась с представлением о вдохновенном поэте.

Волнение, вызванное дуэлью и смертью Пушкина, не утихало.

Чтобы избежать торжественных похорон в столице, гроб с телом Пушкина, по повелению царя, был вывезен из Петербурга и ночью, под конвоем жандармов, отправлен для погребения в псковскую деревню Пушкиных.

Высший свет, который затравил поэта, преследовал его и теперь, после смерти. Титулованная знать во всем обвиняла Пушкина и оправдывала и сожалела Дантеса. В придворных и великосветских кругах шли разговоры о том, что знатные иностранцы Геккерн и Дантес не подлежат русскому суду и законам, что

им нет дела до поэзии Пушкина и Дантес должен был поступить так, как поступил.

И, как бы в ответ на эти толки, мгновенно родились и разнеслись по городу новые стихи Лермонтова, написанные в дополнение к стихам его на смерть Пушкина:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Не только Дантеса — все великосветское общество обвинял Лермонтов в убийстве величайшего русского поэта. Он обвинял царедворцев, стоявших за спиной Дантеса, он называл их палачами свободы, он грозил им.

Стихи производили потрясающее впечатление. В безропотной тишине, царившей в те годы в России, они прозвучали как призыв к революции. Они читались повсюду, они переписывались с нетерпением и расходились по России.

В придворных и великосветских кругах сразу поняли, о ком говорил Лермонтов в своих стихах. Это была неслыханная дерзость.

Кто-то переслал список стихов с надписью «Воззвание к революции» самому царю.

Дело о Лермонтове, по приказу царя, взял в свои руки гонитель Пушкина — всесильный шеф жандармов Бенкендорф.

Лермонтова арестовали. Одновременно с ним был взят под арест его друг, чиновник Раевский, распространявший стихи среди своих сослуживцев.

Дело разбиралось четыре дня. 25 февраля 1837 года последовал «высочайший» приказ: «Корнета Лермонтова перевесть в Нижегородский драгунский полк тем же чином». Раевского велено было выслать на три года в Олонецкую губернию.

Объявленное в высочайшем приказе наказание Лермонтову считалось небольшим, но все знали, что Нижегородский драгунский полк, куда переводили Лермонтова, воевал на Кавказе, и всем было понятно, что Лермонтова посылали на Кавказ под пули горцев.

Молва о том, что Лермонтов пострадал за стихи, в которых защищал от клеветы память Пушкина, снова всколыхнула столицу.

Судьба Лермонтова, еще вчера никому не известного офицера, стала предметом всеобщих толков.

Он покидал один из самых блестящих полков. В свете сожалели бабку его, почтенную Елизавету Алексеевну Арсеньеву, которая видела в нем опору своей старости.

Лермонтов уезжал на Кавказ. Карьера его была испорчена. Годы жизни уже сочтены.

2

Для тех, кто знал Лермонтова близко, его внезапная поэтическая слава не была неожиданной.

Всю свою сознательную жизнь Лермонтов посвятил занятиям поэзией. Он начал писать в тринадцатилетнем возрасте и к двадцати двум годам создал так много поэм, драм и стихотворений, что они составляют три четверти всего им написанного.

Лермонтов упорно работал; почти на все свои произведения в то время он смотрел как на черновики. Лучшие строчки он переносил из прежних произведений в новые. Потому-то в его поэмах встречаются одинаковые стихи, а в юношеской лирике так часто повторяются одни и те же мысли. Он писал для себя. Он раскрывал себя в стихах день ото дня. Поэтому юношеские стихи Лермонтова читаются, как лирический дневник.

Лермонтов не предназначал их для печати. Он был так требователен к себе, что не печатал даже такие совершенные стихотворения, как «Нищий» и «Парус». Он писал в одно время с Пушкиным и хотел выступить в печати со стихами, достойными занять место рядом с пушкинскими.

В одном из юношеских стихотворений, помеченном датой: «1831 года, июля 11 дня», Лермонтов писал:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

В это время ему было семнадцать лет.

Одаренный громадным талантом, Лермонтов только в непрестанном труде видел путь к поэтическому творчеству, и благодаря этому он смог к двадцати семи годам достигнуть вершин мировой поэзии.

Он готовился к великому поприщу поэта.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился 15 октября (нового стиля) 1814 года в Москве, но через несколько недель был увезен в Пензенскую губернию, в имение Тарханы, к бабушке.

Матери он не помнил. Она умерла, когда ему не было еще трех лет. Он остался на руках у бабушки — Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Отец Лермонтова, Юрий Петрович, не жил с ними и только изредка приезжал навестить сына. В доме бабушки отец был чужой. С сыном он был ласков, но мальчика стесняло его присутствие и не огорчал отъезд.

Лермонтов подрастал, отношения бабушки с отцом начинали интересовать его, но бабушка не любила разговоров о Юрии Петровиче и отвечала неохотно; мальчик понимал из разговоров, что мать его была несчастна и причиной тому — дурной характер отца.

Потеряв единственную дочь, Арсеньева всю привязанность перенесла на внука. Она окружила его лаской и заботой, нанимала к нему учителей и воспитателей, взяла к себе в дом целую ватагу маленьких сорванцов — детей родственников и соседей-помещиков, сверстников своего Мишеньки, чтобы ему не было скучно. Мишенька захворал — она нанимала к нему доктора и три раза возила его для поправления здоровья на Кавказ — в Пятигорск.

Когда Лермонтову пошел тринадцатый год, она переселилась с ним в Москву и пригласила к нему лучших преподавателей, чтобы готовить его для поступления в Благородный пансион при Московском университете.

Пансион был лучшим в Москве, и учились там дети лучших дворянских фамилий.

Лермонтов поступил в Благородный пансион осенью 1828 года.

Упражнениями в практической словесности в пансионе руководил известный переводчик и поэт — Семен Егорович Раич.

Кроме классных занятий, каждую субботу в комнате у Раича собиралось «Литературное общество» — кружок воспитанников пансиона, любителей литературы. Здесь, на этих собраниях, они читали и разбирали поэтические произведения Ломоносова, Державина, Жуковского, Козлова, Батюшкова и Пушкина. Потом воспитанники читали собственные сочинения и вместе с Раичем обсуждали каждую строчку.

Лермонтов тоже стал ходить на собрания кружка. Из поэтов он больше всех полюбил Пушкина и зачитывался его поэмами.

Увлеченный поэзией, Лермонтов сам начал писать стихи. Однажды он прочел их на собрании «Литературного общества». Раич ободрил его. Скоро Лермонтов занял в кружке первое место.

Раич советовал своим ученикам упражняться в переводах из великих поэтов, и Лермонтов, по его совету, переводил Шиллера. Все свободное от пансионских занятий время он посвящал теперь любимому делу. Он читал в это время Пушкина, Шекспира, Байрона, Гёте, Шилле-

ра, Лессинга, Вальтера Скотта, Томаса Мура, Гюго. Чтение обогащало его поэтический опыт: он жадно вбирал в себя лучшее, что было в русской и европейской поэзии.

Четырнадцати-пятнадцатилетним мальчиком он успел узнать и сделать так много, что работоспособности его нельзя было не удивляться.

За два года ученья в пансионе Лермонтов написал больше шестидесяти стихотворений, несколько поэм и начал поэму «Демон».

Многие из этих стихотворений и поэм носят еще печать подражания разным поэтам, многие, особенно первые, написаны еще неуверенной рукой ученика, но и в этих стихах уже проявился Лермонтов-патриот, поборник свободы.

Он называет себя в этих стихах «свободы другом» и задается вопросом:

> К чему глубокие познанья, жажда славы,
> Талант и пылкая любовь свободы,
> Когда мы их употребить не можем...

А в стихотворении «Жалобы турка», описывая под видом Турции николаевскую Россию, Лермонтов писал:

> Там стонет человек от рабства и цепей!..
> Друг! этот край... моя отчизна!

Эти вопросы волновали не одного Лермонтова. Среди воспитанников Благородного пансиона было немало юношей, тайно зачитывавшихся вольнолюбивыми стихами декабриста Рылеева, мечтавших о республиканских свободах и ненавидевших самодержавие.

Настроения эти дошли до сведения началь-

ства, и весною 1830 года, в то время, когда Лермонтов учился на последнем курсе, в пансион приехал сам царь — Николай I. Возмущенный «вольным поведением» воспитанников, «несовместным с новым порядком вещей» и «причиняющим вред основательному учению благородного юношества в университетах», царь приказал реорганизовать пансион.

В своем приговоре над пансионом царь основывался на «всеподданнейшем» докладе шефа жандармов Бенкендорфа, который доносил: «Среди... воспитанников лицея и пансиона при Московском университете... мы встречаем многих, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России».

Лето 1830 года Лермонтов проводил в подмосковном имении Середниково, в семье Дмитрия Алексеевича Столыпина, брата бабушки.

Самого Столыпина в это время уже не было в живых. Он умер еще в 1826 году.

Дмитрий Столыпин был близким другом декабриста Пестеля.

Другой брат Арсеньевой, Аркадий Алексеевич Столыпин, был дружен с поэтом-декабристом Рылеевым и знал от него о существовании тайного общества, которое хотело свергнуть царя и отменить в России крепостное право. Члены этого общества намечали Аркадия Столыпина в состав временного правительства, которое должно было после свержения самодержавия взять власть в свои руки. Вероятно, после поражения восстания 14 декабря 1825 года Столыпина постигла бы участь многих декабристов, но он умер за полгода до восстания.

В Середникове была жива еще память о казненных декабристах Пестеле и Рылееве. Часто слышал там Лермонтов имена многих участников декабрьского восстания, заживо погребенных в рудниках Сибири.

Забираясь в библиотеку, оставшуюся после смерти Столыпина, Лермонтов зачитывался стихами Рылеева и заучивал по тетрадке запрещенные стихотворения Пушкина, за которые Пушкин подвергался преследованиям и ссылкам.

Вдохновленный вольнолюбивой поэзией и мужеством лучших людей своего времени, Лермонтов написал свое «Предсказание»: он верил в то, что «настанет год... когда царей корона упадет».

В то же лето он написал поэму «Последний сын вольности». Он воспел в ней новгородского героя Вадима, поднявшего в IX веке народное восстание против князя Рюрика:

Но через много-много лет
Все будет славиться Вадим,
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему и подражай...

О Вадиме писали Пушкин и Рылеев. Образ Вадима был для них символом свободы.

В июле 1830 года вспыхнула революция в Париже. Восставший народ, проливая кровь на баррикадах, завоевывал свободу. Король

Карл X отрекся от престола. Узнав об этом, Лермонтов написал стихотворение:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей,
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И Лермонтов верил, что русский народ, победивший в неравном бою Наполеона, восстанет скоро против векового рабства, самодержавие падет и народ станет свободным.

Декабристские традиции в пансионе и в семье Столыпина были для Лермонтова той школой, в которой он научился ненавидеть николаевский деспотизм.

В минуты творчества Лермонтов становился задумчив и сосредоточен; сочинение стихов заставляло его искать уединения.

Окружавшим Лермонтова сверстникам сосредоточенность его казалась позой. В то время стихи писали многие: каждый молодой человек, танцовавший на балах, каждая барышня умели написать стишки в альбом на память. Светская молодежь любила устраивать стихотворные игры. И, вероятно, многие современники Лермонтова были уверены в том, что пишут не хуже его.

Пустенькие светские барышни, гостившие в то лето в Середникове, требовали от Лермонтова стихов и с улыбкой советовали не прикидываться непонятым и неоцененным. Потом они сами признавались в этом в своих мемуа-

рах. Даже поэтесса Ростопчина вспоминала: «Я до сих пор помню странное впечатление, произведенное на меня этим бедным ребенком, загримированным в старика и опередившим года страстей трудолюбивым подражанием». Она находила стихи Лермонтова плохими, а его самого считала неискренним.

Опасаясь насмешек, Лермонтов посвящал в свою работу других мало и неохотно. В шестнадцать-семнадцать лет он чувствовал себя особенно одиноким, страдая от своего физического несовершенства. Смуглый широколицый юноша, с аккуратно расчесанными на пробор темными, с детства редкими волосами, с пристальным, подчас неприятным взглядом темных глаз под тяжелыми веками. Широкий и короткий нос придавал бы лицу наивность, но толстые губы с черным пухом усов и тяжелый круглый подбородок усугубляли пристальную силу взгляда. Только в округлости щек даже в зрелые годы оставалось еще что-то детское, шестилетнее. Но все в лице, в приземистой, сутулой его фигуре, нескладной, но подвижной и гибкой, отличало его от сверстников. Он был застенчив, резок, обладал большой физической силой.

В чертах его лица неправильно повторились чьи-то красивые черты; он был похож на мать, по рассказам.

От природы Лермонтов был веселого нрава, но впоследствии, когда он стал офицером, в веселом смехе его уже не было простоты.

Жизнь его была безрадостна.

Осенью 1830 года из своего маленького тульского поместья приехал в Москву Юрий Петро-

вич Лермонтов. Он хотел взять сына к себе и хотел, чтобы сын сам решил, с кем ему жить.

Бабушка была в отчаянии; ревнивая любовь к внуку заставила ее рассказать ему то, что она так долго скрывала. Лермонтов узнал тогда судьбу родителей.

Он узнал, как бабушка, упрямая и властная женщина, противилась браку единственной, любимой дочери с Юрием Петровичем; она не верила в любовь его к Марии Михайловне и подозревала, что он посватался к ней из-за приданого.

Она не хотела давать своего согласия на брак, но страсть Марии Михайловны уже не знала запретов. Они поженились. Капитан в отставке, Юрий Петрович Лермонтов, человек без средств и связей и захудалый родом, не был ровней дочери состоятельной помещицы, но был скромен и приятен. Оба были молоды и красивы. Арсеньева готова была примириться с выбором дочери и поручила Юрию Петровичу управлять своим имением Тарханы.

В 1814 году, осенью, поехали всем домом в Москву. Мария Михайловна родила здесь сына. Через несколько недель вернулись в Тарханы. И вдруг открылась неверность Юрия Петровича, начались упреки, слезы. Сам виновный перед женой, Юрий Петрович посмел заподозрить ее в неверности и, рассвирепев, ударил ее.

Жизнь стала невыносимой. Мария Михайловна зачахла в два года. Все было сделано, чтобы спасти ее, но она не хотела жить. Потому на могильном памятнике Марии Михайловны символ разбитой жизни — сломанный якорь.

После похорон решено было, что Юрий Пет-

рович покинет Тарханы. Этого требовала Арсеньева. Он хотел взять сына с собой, но Арсеньева не в силах была расстаться с мальчиком. Выплатив Юрию Петровичу двадцать пять тысяч рублей, она выговорила на время право воспитывать внука. Потом, когда срок прошел, Юрий Петрович согласился оставить его еще на два года; потом было условлено, что внук останется у бабушки до шестнадцати лет.

Каждый раз, когда появлялся Юрий Петрович, она трепетала. Теперь внук сам должен был сделать выбор. Лермонтов был потрясен. Выбора быть не могло. Отец уехал один.

Семейная трагедия легла в основу двух драматических произведений Лермонтова — «Люди и страсти» и «Странный человек».

Через год Юрий Петрович умер. В завещании он просил сына передать бабушке, что считает ее несправедливой к нему: «Она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины! Но бог ей простит сие заблуждение, как я ей его прощаю».

Кто из них был прав — отец или бабушка, самолюбивая и пристрастная, которая никогда не могла простить Юрию Петровичу, что он был причиной ее слез и постоянного страха потерять любимого внука? Сыну ли было судить о том, виновен отец или нет! Отец много перестрадал за свою жизнь, был одинок и лишен сыновней любви и участия. И, вспоминая отца, преждевременно постаревшего печального человека с красивым и строгим лицом, Лермонтов понимал, как тягостно было его одиночест-

во, и за это готов был простить ему все. Понимал, чувствуя себя одиноким.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом; —
В ней соку нет, — хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена! —

И ему казалось тогда, что, сын двух страдавших на свете людей, он обречен судьбой на страдание.

На словесном отделении Московского университета, куда Лермонтов поступил осенью 1830 года, преподавание почти всех предметов шло плохо. Лермонтов уже знал из книг то, о чем читали в своих лекциях профессора.

На самых скучных лекциях он садился в дальний угол и читал книгу.

«Профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали из университетских лекций, но души их, не подавленные форменностью, были раскрыты и все-таки много вынесли из университета» — такое воспоминание сохранилось у Константина Аксакова, учившегося в университете в те же годы.

Больше, чем из лекций, студенты выносили из непосредственного общения друг с другом. Невзирая на запрещение университетского начальства, искоренявшего по приказу царя всякие признаки свободомыслия, молодежь собиралась в кружках.

В то время, когда в университете учился

Лермонтов, возник литературно-философский кружок студента Станкевича. Членами этого кружка были однокурсники Лермонтова. В кружке студентов Герцена и Огарева обсуждались животрепещущие социальные и политические вопросы.

«Что мы, собственно, проповедовали, трудно сказать, — писал через много лет Герцен.— Идеи были смутны: мы проповедовали французскую революцию; потом проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе, но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу».

На одном курсе с Лермонтовым, Герценом, Огаревым и Станкевичем учился Виссарион Григорьевич Белинский. Он прославился на весь университет литературными диспутами, которые устраивал в университетском помещении, в комнате № 11, где жил в компании восьми казеннокоштных (учившихся на казенный счет) студентов. Вечерние сходки в «одиннадцатом нумере» приняли характер постоянных собраний. На этих вечерах рассуждали о прочитанном, о новых журнальных статьях, об университетских лекциях; читались собственные сочинения. Белинский читал здесь свою драму «Дмитрий Калинин», направленную против крепостного права. Эта драма послужила причиной удаления Белинского из университета.

Лермонтов не был членом этих студенческих кружков. Не сохранилось сведений также и о том, что он близко сошелся с кем-нибудь из студентов, с которыми его связывали общие интересы и взгляды. Но остаться в стороне от идейной жизни университета Лермонтов не мог.

В драме «Странный человек», написанной летом 1831 года, Лермонтов изобразил московских студентов, ведущих разговор об историческом значении московского пожара, а это доказывает, что он не только был знаком со студенческой средой, но разделял ее интересы и настроения.

В Москве у Арсеньевой было большое родство, и Лермонтов постоянно бывал в кругу молодых барышень, своих многочисленных кузин и их приятельниц.

Надев студенческий мундир, он мог уже бывать везде, где веселилась дворянская молодежь: на балах в домах московской знати, на маскарадах и благотворительных концертах в зале Благородного собрания.

Он близко узнал быт «хлебосольного» московского барства, которое умело есть и пить доотвала, плясать доупаду, загонять в загородных поездках тройки и проживать в несколько лет миллионные состояния.

Праздное благополучие помещиков, построенное на труде и страданиях крепостных крестьян, Лермонтов изобразил в драме «Странный человек».

«Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет, — писал он в предисловии. — Лица, изображенные мною, все взяты из природы, и я хотел бы, чтобы они были узнаны».

В «Странном человеке» Лермонтов рассказал о своих переживаниях, о разрыве с отцом и с любимой девушкой. В лице молодого поэта Владимира Арбенина Лермонтов изобразил самого себя.

Лермонтов осуждал в этой драме людей ничтожных, лживых, завистливых, равнодушных к чужому страданию, смысл жизни которых составляет одно богатство.

Он изобразил в драме девушку, которая отвергла чистую и возвышенную любовь Арбенина и вышла замуж за его «друга», женившегося на ней, чтобы поправить свое состояние.

В «Странном человеке» Лермонтов с большой силой рассказал об ужасах крепостного права, об участи оброчных крестьян и о злодействах и жестокости помещиков. «О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство! — восклицает Арбенин. — Все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску... При одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... О, мое отечество, мое отечество!»

Эта сцена из лермонтовской драмы очень похожа на сцену из драмы Белинского «Дмитрий Калинин».

Миру жестоких крепостников, попирающих человеческое достоинство, Лермонтов противопоставил студентов — то поколение революционной молодежи, из которого вышли Белинский, Герцен, Огарев.

И знаменательно, что речь одного из этих студентов исполнена глубокого патриотического пафоса: «Разве мы не доказали в 12-м году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам!»

В этих сценах «Странного человека» выразилась великая любовь Лермонтова к своему народу, страдающему под гнетом крепостного права, его вера в народ и гордость за его исторический подвиг.

В «Странном человеке» Лермонтов стал на путь обличения дворянского общества.

«Царство мглы, произвола, молчаливого замирания, гибели без вести, мучения с платком во рту» — вот чем была, по словам Герцена, русская общественная мысль в годы царствования Николая I.

После поражения декабристов на долгие годы исчезла возможность открытой борьбы с безграничным произволом самодержавно-дворянского строя.

Всякое проявление свободной мысли жестоко преследовалось. Тот, кто пытался протестовать против бесправия и угнетения, погибал.

Лермонтов не видел вокруг сильных характеров, людей, одушевленных непримиримой ненавистью к деспотизму и готовых к совершению героического подвига во имя свободы.

Потому так часто описывал он в своих поэмах сильных, свободных горцев Кавказа, которые вели тогда длительную, кровопролитную войну за свою независимость, не желавших подчиняться русскому самодержавию.

В своих поэмах «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи» Лермонтов с любовью описывал природу сурового и величавого Кавказа, нравы и обычаи горцев.

Материалом для описания горцев Лермонто-

«Воспоминание о Кавказе».

С картины масляными красками работы М. Ю. Лермонтова.

ву послужили рассказы, слышанные им на Кавказе еще в детстве, в то время, когда бабушка возила его в Пятигорск и на Кислые Воды.

В новой большой поэме «Измаил-бей», написанной в 1832 году, Лермонтов развил новую в русской литературе тему: он изобразил в ней войну горцев с царским правительством и их борьбу за свободу и независимость.

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты...

. . . .

Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!

. . . .

Простая сакля, веселя их взор,
Горит, — черкесской вольности костер!..

. . . .

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.

До Лермонтова никто не писал с таким сочувствием о борьбе кавказских народов с царским самодержавием.

На втором году пребывания в университете у Лермонтова произошли столкновения с профессорами.

«Перед рождественскими праздниками, — вспоминал однокурсник Лермонтова Вистенгоф, — профессора делали репетиции, то есть поверяли знания своих слушателей за пройденное полугодие... Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал какой-то вопрос Лермонтову. На этот вопрос Лермонтов начал отвечать бойко и с уверенностью. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

— Я вам этого не читал. Я бы желал, чтобы

вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда вы могли почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, — отвечал Лермонтов, — вы нам этого, что я сейчас говорил, не читали и не могли читать, потому что это слишком ново для вас и до вас еще не дошло. Я пользуюсь научными пособиями из своей собственной библиотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранных языках».

Другому профессору Лермонтов ответил в том же духе.

До этого он принимал участие в «истории» с профессором Маловым, которому студенты не дали читать лекцию и выгнали из аудитории.

Это был способ борьбы студентов с профессурой, излагавшей в своих лекциях схоластическую науку — науку, оторванную от передовых идей того времени.

На публичных экзаменах у Лермонтова произошло новое столкновение с профессорами, и он решил перейти в Петербургский университет.

Московский период его жизни окончился.

Через несколько лет, в поэме «Сашка», Лермонтов посвятил Москве, своей родине, вдохновенные строки:

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул, — он упал!

Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы!

Летом 1832 года Лермонтов переехал с бабушкой в Петербург.

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой...

Это первое впечатление от столицы николаевской империи осталось у Лермонтова навсегда.

В поэме «Сашка», где с такой любовью Лермонтов говорит о своем родном городе — Москве, он написал о Петербурге:

Там жизнь грозна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.

В Петербурге Лермонтову не зачли двухлетнего пребывания в Московском университете. Надо было снова поступать на первый курс и сидеть на студенческой скамье еще четыре года.

Летом того же года пять московских товарищей Лермонтова переехали в Петербург и поступили в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Они не хотели становиться чиновниками. Среди них был близкий друг и родственник Лермонтова — Алексей Столыпин.

Товарищи уговаривали Лермонтова поступить в юнкерскую школу. Лермонтов колебался. Он давно уже решил посвятить себя литературе. Но для этого надо было заниматься чем-то, кроме литературы, и где-то служить.

О том, чтобы сделать литературную работу своей профессией, Лермонтов тогда еще не ду-

мал. В то время на литераторов-профессионалов многие еще смотрели как на ремесленников и считали, что дворянину неприлично жить на литературный заработок.

Лермонтову исполнилось восемнадцать лет, и оставаться на положении внука своей бабушки он не хотел. Надо было выбирать между военной или чиновничьей карьерой и становиться самостоятельным человеком.

Четырехлетнее пребывание в университете отдаляло его от этой цели. Поступив в юнкерскую школу, Лермонтов мог выйти из нее офицером через два года.

Лермонтов боялся, что военная жизнь оторвет его от занятия поэзией, но товарищи приводили ему в пример Дениса Давыдова, известного поэта и прославленного партизана 1812 года, который сумел совместить поэзию с военной службой.

Лермонтов решился. В письмах к своей московской приятельнице он писал: «Я поступаю в школу гвардейских подпрапорщиков... Если бы Вы могли ощутить все горе, которое мне это причиняет, — вы пожалели бы обо мне... До сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я воин».

10 ноября 1832 года «недоросль из дворян Михайла Лермонтов» был принят в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и зачислен юнкером в лейб-гвардии гусарский полк.

Теперь каждый день начинался для Лермонтова барабанным боем. Дисциплина в школе была суровая — шефом школы был брат царя,

великий князь Михаил Павлович, прославившийся своей любовью к муштре.

Юнкерам запрещалось читать книги литературного содержания.

Жизнь школы Лермонтов описал в шуточной «Юнкерской молитве»:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.

По вечерам, тайком от начальников, Лермонтов, рискуя быть наказанным, забирался в отдаленные классы и писал до поздней ночи.

Еще в Москве он начал исторический роман из времен пугачевского восстания. В нем Лермонтов, как передавал один из его товарищей, описал истинное происшествие, о котором слышал от бабушки.

Вероятно, Арсеньева рассказывала Лермонтову о своем родственнике Столыпине, убитом в 1774 году в сражении с восставшими крестьянами — «пугачевцами».

Волна крестьянских восстаний, во главе которых стоял Пугачев, докатилась до Пензенской губернии, и в детстве Лермонтов часто слышал рассказы о том времени, когда против помещиков восстали почти все пензенские крестьяне. Казацкие отряды Пугачева побывали тогда и в Тарханах, имении Арсеньевой, и в соседних дворянских поместьях.

В детстве Лермонтов часто слышал и о том,

как мелкие пензенские помещики, разоренные богатыми соседями, примыкали к восставшим крестьянам, чтобы отомстить виновникам своих несчастий.

В своем романе Лермонтов описал дворянина Вадима, который с целью мести проникает в дом богатого помещика Палицына, виновника разорения и смерти отца Вадима.

Вадим поднимает восстание крестьян Палицына и становится их предводителем. Восставшие крестьяне сливаются с отрядами Пугачева.

Роман Лермонтова — первое в русской литературе произведение о пугачевском восстании. До Лермонтова еще никто не писал на эту тему. Пушкин в начале 1833 года только начинал работу над «Историей Пугачева», а «Капитанскую дочку» написал в 1836 году.

Многие места лермонтовского романа полны настоящего революционного пафоса.

В одной из сцен Вадим видит, как «госпожа с надменным видом оттолкнула... крестьянку с грудным младенцем на руках»... «Немудрено, что завтра, — подумал Вадим, — эта богатая женщина будет издыхать на виселице, тогда как бедная... станет указывать на нее детям своим».

Лермонтов не только описал пугачевское восстание — он хотел объяснить его причины.

«В 18-м столетии, — писал Лермонтов, — дворянство, потеряв уже неограниченную власть и способы ее поддерживать, не умело переменить поведение: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год».

В словах «не умело переменить поведение» Лермонтов выразил мысль о неизбежности отмены крепостного права.

Лермонтов верил в то, что народ, «этот сторукий исполин», угнетаемый попрежнему, восстанет, как при Пугачеве, и в России будет революция, которая разрушит самодержавно-дворянский строй. Он не представлял себе конечных целей этой революции, но горячо мечтал о ней.

Роман остался незаконченным. Заглавие его неизвестно. Рукопись была найдена через тридцать лет после смерти Лермонтова, и роман получил название по имени героя: «Вадим».

От обличения пороков дворянского общества Лермонтов дошел до сознания необходимости борьбы с ним.

Товарищ и родственник Лермонтова, Юрьев, учившийся вместе с ним в юнкерской школе, как-то тайком от Лермонтова отнес его поэму «Хаджи Абрек» к Сенковскому, редактору журнала «Библиотека для чтения». Поэма Сенковскому понравилась и появилась за подписью Лермонтова в августовской книжке журнала в 1835 году.

«Хаджи Абрек» — первое напечатанное произведение Лермонтова.

В конце 1834 года Лермонтов был выпущен с чином корнета в лейб-гвардии гусарский полк. Полк стоял в Царском Селе, недалеко от Петербурга, и Лермонтов часто бывал в столице. Жизнь его проходила в военных ученьях и смотрах по утрам, а вечера Лермонтов проводил на балах, в театрах или на гусарских пирушках.

Урывками Лермонтов продолжал писать. Раньше он аккуратно переписывал свои стихотворения и поэмы в тетради и бережно хранил

их; теперь он писал стихи в альбомы, наскоро набрасывал их на клочках бумаги, на стенах казармы, на дне ящика письменного стола — везде, где попало, и не заботился об их дальнейшей судьбе.

Вскоре после выхода в полк Лермонтов написал поэму «Боярин Орша» и драму «Маскарад», в которой он изобразил нравы современного ему общества. Большое влияние на замысел «Маскарада» оказало «Горе от ума» Грибоедова.

Лермонтов хотел, чтобы его пьесу поставили в Александринском театре, и представил ее для этого в драматическую цензуру.

Цензурой ведало «Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии».

Третье отделение вело дело политического сыска и душило всякое проявление свободной мысли. Возглавлял его шеф жандармов Бенкендорф, один из самых близких помощников Николая I.

Бенкендорф сам читал пьесу Лермонтова и усмотрел в «Маскараде» «прославление порока» на том основании, что герой драмы, Арбенин, убивший свою жену, остается ненаказанным.

Бенкендорф выразил «желание об изменении конца пьесы таким образом, чтобы она кончалась примирением между г-ном и г-жею Арбениными».

Кроме того, цензура нашла в пьесе «неприличные нападки на костюмированные балы» и «дерзости против дам высшего общества».

Лермонтов переделал «Маскарад».

Цензура вторично отклонила пьесу, найдя,

что Лермонтов прибавил к ней конец «не тот, который ему был назначен».

Лермонтов опять стал перерабатывать пьесу. И хотя после этой второй переделки цензура нашла, что из драмы «все гнусности удалены», все же запретила ее «как неуместную».

После неудачи с постановкой «Маскарада» Лермонтов в 1836 году задумал писать роман «Княгиня Лиговская». В этой работе ему помогал Раевский.

Раевский был в детстве дружен с Лермонтовым и часто и подолгу гостил в Тарханах.

Раевский получил хорошее образование; окончив Московский университет, он служил столоначальником в министерстве, в Петербурге. Сам он ничего не писал, но был знаком со многими литераторами; особенно часто бывал он у Краевского, редактора «Литературных прибавлений к газете «Русский инвалид».

Раевский много читал и увлекался историей и социальными науками.

Лермонтов хотел описать в романе жизнь петербургского света, но работа прервалась на девятой главе, и Лермонтов уже не возвращался к роману. «Обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, — писал Лермонтов Раевскому с Кавказа через год, — а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Девять глав — только самое начало осуществления большого замысла. Образы героя, молодого гвардейского офицера Григория Александровича Печорина, и героини, Веры Лиговской, Лермонтов развил через два года в романе «Герой нашего времени».

В «Княгине Лиговской» Лермонтов описал бедного чиновника Красинского, ни умом, ни красотой не уступающего Печорину. Превосходство Печорина только в том, что он по рождению принадлежит к богатому классу. В столкновении Печорина с Красинским Лермонтов показал правоту чиновника, защищающего свое человеческое достоинство.

Реалистической точности в описании окружающей среды Лермонтов учился у Пушкина. Большое влияние на замысел «Княгини Лиговской» оказал «Евгений Онегин».

Кроме влияния Пушкина, в романе заметно влияние другого великого русского писателя — Гоголя, который в своих повестях «Записки сумасшедшего», «Портрет» и «Невский проспект», напечатанных в 1835 году, создал замечательные по силе и реалистической выразительности образы обыкновенных людей.

В 1837 году исполнялось двадцать пять лет с того дня, когда русская армия на Бородинском поле дала отпор полчищам Наполеона.

С приближением годовщины стали появляться исторические описания великого сражения, рассказы и воспоминания его участников, романы и стихотворения о доблести полководцев и подвигах героев Отечественной войны.

Лермонтов описал великий день в стихотворении «Бородино». Он рассказал о подлинном герое войны — о народе, который в день Бородинского сражения отстоял свою независимость.

Просто, без всяких прикрас старый солдат рассказывает молодому о сражении, решившем судьбу русского народа.

По реалистической точности описания «Бо-

родино» можно сравнить с лучшими страницами «Войны и мира» Льва Толстого.

И недаром Толстой говорил: «Бородино» — это зерно моей «Войны и мира».

Свое отношение к народной войне 1812 года Лермонтов выразил еще в студенческие годы в стихотворениях «Поле Бородина», «Два великана» и в драме «Странный человек», в которой московские студенты ведут патриотический разговор об историческом значении пожара Москвы.

Народную освободительную войну, борьбу за национальную независимость русского народа против татарского ига Лермонтов хотел описать в исторической поэме о Мстиславе. Намерение это осталось неосуществленным, но в студенческой тетради Лермонтова есть запись подробного плана этой поэмы.

Великую освободительную народную войну 1812 года Лермонтов отличал от захватнической войны, которую вело на Кавказе царское правительство, для того чтобы закабалить свободные, независимые горские народы. Этой войне Лермонтов не сочувствовал.

Отрицательное отношение к кавказской войне Лермонтов выразил в своих стихотворениях и в поэмах «Измаил-бей», «Беглец» и «Мцыри».

«Бородино» — это рассказ о великой победе русского народа; о победах же Николая I над горцами Лермонтов писал, что это «слава, купленная кровью».

Когда в 1810 году Белинский прочел «Бородино», он отметил, что «вся основная идея стихотворения выражена во втором куплете, которым начинается ответ старого солдата:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Эта мысль, — писал Белинский, — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел».

Стихотворение «Бородино» было первым, которое Лермонтов решил сам отдать в печать. Он хотел отнести его Пушкину и просить напечатать это стихотворение в журнале «Современник», который издавал Пушкин.

Лермонтов не успел познакомиться с Пушкиным.

9 февраля по городу прошел слух, что Пушкин стрелялся на дуэли.

Лермонтов в тот же день написал свои замечательные стихи и навсегда связал свою поэтическую славу с именем Пушкина.

3

Лермонтов ехал на Кавказ, где был впервые девятилетним мальчиком.

Березовые леса сменялись дубовыми рощами; по оврагам вместо ракит и зарослей орешника мелькали цветущие вишневые сады, яблони, груши. Белые мазанки Украины, села с высокими ветряными мельницами вдруг неожиданно появлялись среди степи и так же скоро исчезали. Потом ничего не стало видно, кроме беспредельного пространства, заросшего высокой душистой травой...

После многих дней пути в туманной дымке на горизонте открылась величественная картина Кавказских гор, покрытых снегом. Вдоль

равнины ленточкой извивался Подкумок, и орлы ширяли по ясному небу.

По дороге Лермонтов заболел и получил разрешение остаться для лечения в Пятигорске. «Каждое утро я вижу из своего окна цепь снежных гор и Эльбрус, — писал он своей приятельнице. — Вот и теперь, когда я пишу это письмо, я время от времени останавливаюсь, чтобы посмотреть на этих великанов. Они прекрасны и величественны».

В Пятигорске Лермонтов встретился с Сатиным, с которым учился в университетском пансионе. Однажды, зайдя в гости к Сатину, Лермонтов застал у него Белинского. Лермонтов и Белинский вместе учились в университете; они познакомились.

Белинский не любил и не умел говорить о пустяках и сразу заговорил на серьезные темы. Лермонтов, избегавший серьезных разговоров с малознакомыми людьми, отвечал ему несерьезно.

Белинский обиделся и ушел. И у обоих осталось неприятное воспоминание об этой встрече.

Летом 1837 года в Пятигорске «на водах» собралось большое общество. Среди «отдыхающих» было семейство Мартыновых, с которыми Лермонтов был знаком еще по Москве. Одной из барышень Мартыновых он в те годы, когда был московским студентом, даже посвятил новогодний мадригал. С братом барышень Мартыновых, Николаем Соломоновичем, он учился в юнкерской школе.

По словам Сатина, Лермонтов вел на водах светскую, рассеянную жизнь, был знаком со всем «водяным» обществом и участвовал в обедах, пикниках и праздниках.

М. Ю. Лермонтов.
С автопортрета, 1837 г.

Тогда же он познакомился с умным и образованным доктором Майером. Майер был близок с кружком декабристов, переведенных из Сибири на Кавказ.

В Пятигорске Лермонтов задумал «Княжну Мери». Когда вышел в свет «Герой нашего времени», все знакомые Майера узнали его в образе доктора Вернера.

В середине июля Лермонтов выехал из Пятигорска в полк. Эскадрон, к которому был причислен Лермонтов, принимал в то время участие в экспедиции против горцев на побережье Черного моря.

В ожидании почтового парохода, который должен был отвезти его в Геленджик, Лермонтов остановился в Тамани и поселился в хате у казачки Царицихи. Хозяйка приняла его за «тайного соглядатая», желавшего выследить контрабандистов, которые провозили оружие для горцев. Этот эпизод Лермонтов описал в повести «Тамань».

Лермонтов приехал к полку, когда военные действия против горцев на этой линии на время затихли. «Я приехал в отряд слишком поздно, — писал Лермонтов в письме к Раевскому, — государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела...»

Экспедиция русских войск в 1837 году была предпринята для постройки новых крепостей на Черноморском побережье.

Разорялись и выжигались аулы горцев, прорубались просеки для дорог. Фруктовые сады в горах, брошенные населением, дичали, превращаясь в лесные заросли.

В кавказскую армию отправляли провинившихся офицеров и политических ссыльных. В ее рядах служили разжалованные в солдаты декабристы. Туда же ехали по своей воле офицеры из мелкопоместных, небогатых дворян: служба в столице требовала слишком больших расходов.

На Кавказе со времен Ермолова не исчезал дух свободомыслия. Скромный штабс-капитан Максим Максимыч, которого Лермонтов описал в «Герое нашего времени», с уважением вспоминает имя опального генерала Ермолова, героя 1812 года, пострадавшего за покровительство декабристам.

К началу октября Лермонтов должен был прибыть в Тифлис.

«Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом, — писал он, — лазил на снеговую гору (Крестовая), на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь».

По дороге к Тифлису Лермонтов остановился во Мцхете. Внизу, у слияния черных вод Куры с белой, мутной Арагвой, за стеной из дикого камня высился Мцхетский собор, вокруг которого лепились маленькие домики.

Лермонтов осматривал сумрачные стены собора, выстроенного еще тогда, когда Мцхет был столицей древней Грузии. Эти стены были

свидетелями похода римских легионов Помпея. Тысячелетней историей веяло под сводами собора. Пол собора был вымощен надгробными плитами с именами грузинских царей.

А на вершине остроконечной горы виднелся маленький полуразрушенный монастырь. Монастырь был пуст. Лермонтов нашел в нем одинокого монаха, старого монастырского служку. Он разговорился с ним и узнал, что родом он горец, в детстве взятый в плен генералом Ермоловым. Генерал вез его с собой в Тифлис, но мальчик заболел, и генерал оставил его монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Однажды он убежал; его вернули, но долгая болезнь чуть не свела его в могилу. Выздоровев, он навсегда остался в монастыре. Этот рассказ лег потом в основу замечательной поэмы Лермонтова «Мцыри».

Тифлис встретил Лермонтова жарой, тишиной кривых переулков и шумом улиц и базарных площадей, яркой пестротой ковров и развешанной на балконах одежды, ароматом фруктов и терпким запахом и прохладой винных погребков. Добрые голубоглазые буйволы влекли тяжело нагруженные арбы, хитрые ослики топали копытцами по незамощенным улицам. Лермонтов с интересом наблюдал нравы разноязычной, пестрой, шумной и медлительной толпы на базаре и в торговых рядах.

Развалины древней крепостной стены сбегали уступами с каменистой горы к базарной площади. Мутная Кура, прыгая по камням, с шумом неслась под узкими мостами.

На обширной Мадатовской площади марши-

ровали полки; качались высокие кивера и штыки. Тифлис готовился к встрече царя.

Царь ехал делать смотр полкам, воевавшим на Кавказе.

Когда Лермонтов был сослан на Кавказ, в Нижегородский полк, бабушка начала хлопотать за него у Бенкендорфа, с которым была знакома. Поэт Жуковский говорил Бенкендорфу о надеждах, которые связаны с именем Лермонтова в литературе. Бенкендорф обещал им поговорить с государем.

10 октября в Тифлисе состоялся царский смотр войскам.

Бенкендорф напомнил царю о просьбе Жуковского и Арсеньевой; Лермонтов получил «прощение» и был переведен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Гродненский полк стоял в военных поселениях близ Новгорода.

Лермонтов получил разрешение вернуться в Россию.

В Нижегородском драгунском полку, в котором Лермонтов служил на Кавказе, с любовью вспоминали прежнего полкового командира, замечательного грузинского поэта, князя Александра Герсевановича Чавчавадзе.

В бытность свою командиром полка Чавчавадзе постоянно приглашал офицеров к себе в гости и этим содействовал сближению русских с грузинским обществом.

Нижегородский полк стоял в Кахетии, неподалеку от родового имения Чавчавадзе — Цинондали, и офицеры полка попрежнему ездили в гостеприимный дом своего бывшего командира.

Лермонтов ездил в Цинондали навещать свою двоюродную тетку, Прасковью Николаевну Ахвердову, которая с давних пор жила в семье Чавчавадзе и воспитывала его детей, и нашел там радушный прием у хозяина дома и его дочери, Нины Александровны, вдовы А. С. Грибоедова.

В Цинондали Лермонтов познакомился с грузинским обществом и мог видеть там поэтов Григория Орбелиани и Николозп Бараташвили.

Конец года Лермонтов провел в скитаниях по Кавказу. В письме к своему другу Раевскому он писал:

«С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании — то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...»

Лермонтов возвращался в Россию полный творческих планов и замыслов. Он не хотел ехать в новый полк. Ему надоела военная муштра, и он мечтал об отставке.

По дороге в Петербург Лермонтов остановился в Ставрополе. В Ставрополе жили декабристы, которым царь заменил сибирские рудники солдатской службой на Кавказе.

Лермонтов познакомился с ними через доктора Майера и Сатина.

Среди сосланных на Кавказ декабристов был поэт Александр Иванович Одоевский.

С ним Лермонтов познакомился еще раньше.

Одоевский был солдатом того самого Нижегородского полка, в котором служил на Кавказе Лермонтов.

В Ставрополе они встретились снова.

В 1827 году Пушкин отправил сосланным декабристам свое «Послание в Сибирь»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

. . . .

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

От имени сосланных декабристов Одоевский ответил Пушкину стихотворением, которое оканчивалось словами:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

. . . .

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

Строку из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя», Ленин взял эпиграфом к большевистской газете «Искра».

Стихи Одоевского жили в сердцах лучших русских людей того времени и рождали в них

революционные настроения. Но многие из сосланных в 1826 году за революционную деятельность через десять лет стали другими.

Один из живших в Ставрополе декабристов, Назимов, вспоминал о встречах с Лермонтовым:

«Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали... нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прикрепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на своих могучих крылах. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в своей несчастной молодости, он глумился... Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа».

Лермонтов, учившийся ненависти к самодержавию у поэта-декабриста Рылеева, в 1837 году был гораздо более непримиримым по отношению к николаевской монархии, чем декабрист Назимов и некоторые из его товарищей, обманутые в своих надеждах и потерявшие перспективы дальнейшей борьбы.

В своих революционных мечтах и стремлениях декабристы были страшно далеки от народа.

Потерпевшие в 1825 году поражение и оторванные от политической жизни двенадцатилетней ссылкой и заточением, декабристы не перестали мечтать об «иной жизни». Но они уже утратили революционный жар и стали надеяться на то, что царское правительство

пойдет на постепенные преобразования, которые приведут к политическим изменениям в стране.

Лермонтов ненавидел николаевское самодержавие и не разделял иллюзий декабристов.

Конечно, у самого Лермонтова не было и не могло быть в тридцатых годах никакой политической программы. Но он принадлежал к тому поколению, о котором Герцен писал в «Былом и думах»:

«14 декабря застало нас детьми... выходя из университета, нас встретили ворота тюрьмы. Тюрьма и ссылка в молодых летах во время душного и серого гонения благотворны; это — закал: одни слабые организации смиряются тюрьмой, те, у которых борьба была мимолетным юношеским порывом, а не талантом, не внутренней необходимостью. Сознание открытого преследования поддерживает желание противодействовать...»

Арест и ссылка не сломили Лермонтова, но закалили его. Потребность борьбы у него, как и у Герцена, не была мимолетным порывом, а стала внутренней необходимостью.

Ленин писал о Герцене:

«Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно стал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции» [1].

Как и Герцен в тридцатых и сороковых го-

[1] Сочинения, издание третье, 1931 г., т. XV, стр. 468.

дах, Лермонтов был настроен глубоко революционно, но не видел средств борьбы с царизмом.

Лермонтов не дожил до революционных выступлений людей своего поколения.

На Кавказе Лермонтов закончил «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», начатую еще в Петербурге.

Он послал эту «Песню» в Петербург Краевскому, редактору «Литературных прибавлений к газете «Русский инвалид».

Цензура не разрешила опубликовать произведение с именем опального офицера, и «Песня» появилась в печати за подписью «— ъ».

В «Песне про купца Калашникова» выразилась вся сила и глубина понимания Лермонтовым истории русского народа и его песен.

Когда через два года «Песня» появилась в сборнике стихотворений Лермонтова, Белинский написал о ней:

«Песня» представляет собою факт о кровном родстве духа поэта с народным духом и свидетельствует об одном из богатейших элементов его поэзии, намекающем на великость его таланта».

Лермонтов любил и хорошо знал народную песню. С детства он слышал песни крепостных крестьян в Тарханах; ночуя в палатке или под открытым небом на Кавказе, он прислушивался к песням русских солдат; старинным песням учил его живший в Середникове семинарист Орлов.

И тогда же, в 1830 году, Лермонтов записал: «Если захочу вдаться в поэзию народную, то,

верно, нигде не буду искать ее, как в народных песнях... Жаль, я не слыхал сказок народных, в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Кроме того, Лермонтов хорошо знал книгу «Старинные русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». В этом сборнике впервые были напечатаны русские былины и народные исторические песни.

Много сохранилось песен в народе о грозном царе Иване Васильевиче. Историки и романисты изображали Ивана Грозного злодеем, но народ видел в Грозном властителя, который боролся с угнетателями-боярами.

Народ называл Ивана IV «Грозным царем». Народ помнил о его жестокости, но в народе сохранилась память и о том, как боролся Грозный царь с боярской изменой, с теми, кто тянулся к Литве и к Польше.

Романисты-дворяне, например Алексей Константинович Толстой в «Князе Серебряном», еще в шестидесятых годах сводили свои классовые счеты с жестоким искоренителем родовитого боярства.

Лермонтов воссоздал в своей «Песне» образ Ивана Грозного таким, как он сохранился в памяти народной.

Основная тема «Песни про купца Калашникова» — оскорбление семейной чести.

Калашников выходит на поединок с оскорбившим его жену царским опричником и убивает его на глазах у царя и народа.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя

Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею...»

Калашников убил своего «ненавистника» и сложил голову на плахе, никому не рассказав о своей обиде.

Но народ в «Песне» знает правду про Калашникова и знает, что правда на его стороне.

И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусляры — споют песенку.

Для Пушкина, Лермонтова и других передовых людей того времени поединок в условиях николаевской России становился средством борьбы личности за свое человеческое достоинство и человеческие права. А для самодержавия и «света» дуэль была удобным средством расправы с лучшими людьми своего времени.

Пушкин был убит на дуэли потому, что он защищал свою честь и свое право быть великим поэтом.

Поединок — это типичное явление той эпохи. И тема поединка проходит сквозь все творчество Лермонтова. «Княгиня Лиговская», «Умирающий гладиатор», «Смерть поэта», «Песня про купца Калашникова», «Герой нашего времени», «Сон» и даже поединок мцы-

ри с барсом — все это воплощение одной темы: темы борьбы личности с окружающей средой, борьбы за свободу и человеческие права.

В 1838 году, после возвращения с Кавказа, Лермонтов заново написал давно начатую поэму «Демон».

Она была задумана еще в 1829 году, когда Лермонтов учился в университетском пансионе.

Под влиянием романтических произведений западноевропейских писателей Лермонтов начал писать поэму о демоне, который влюбляется в земную девушку.

Работу над этой поэмой Лермонтов продолжал и в университете и в юнкерской школе.

В первом, раннем варианте поэмы действие происходит в нереальной, условной, романтической обстановке. Потом Лермонтов перенес действие поэмы в Испанию.

Но только после того, как Лермонтов побывал в Грузии, поэма «Демон» приобрела реальную почву и как бы возникла заново; Лермонтов углубил и расширил свой первоначальный замысел, связав его со сказаниями и легендами грузинского народа.

В Грузии, в верховьях Арагвы и на старой Военно-Грузинской дороге, до нашего времени живет в народе предание о горном духе Гуде, полюбившем молодую грузинку, и о богатыре Амирани, посягнувшем на власть бога и прикованном за это в пещере к скале.

Путешествуя по старой Военно-Грузинской дороге и по Грузии, Лермонтов прислушивался к народным преданиям. Попутно он зарисо-

вывал карандашом «на скорую руку» виды тех мест, которые посещал.

Из этих рисунков сохранился вид развалин на берегу Арагвы в Грузии, который очень напоминает описание замка Гудала в «Демоне».

В Цинондали Лермонтов тоже, повидимому, слышал народные предания и легенды, которые легли в основу новой редакции поэмы. Друг и родственник Лермонтова Шан-Гирей указывал на то, что имя «властителя Синодала», жениха Тамары, происходит от названия имения князей Чавчавадзе «Цинондали».

Впечатления от пребывания в Грузии наполнили творчество Лермонтова теми живыми образами, благодаря которым фантастическая поэма «Демон» приобрела черты подлинного реализма.

«Демон» стал злободневным, волнующим произведением. Им зачитывались тысячи людей; поэма переписывалась и ходила по рукам во множестве списков.

Белинский писал в те годы: «Демон» сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувства, красот».

Критик Анненков рассказывал, что Белинский находил в поэме, «кроме изображения страсти, еще и пламенную защиту человеческого права на свободу и на неограниченное пользование ею. Драма, развивающаяся в поэме между мифическими существами, имела для Белинского совершенно реальное содержание».

Лермонтов не подражал народным песням и легендам, но, вдохновленный ими, он создал такие замечательные произведения, как «Песня про купца Калашникова», «Казачья колыбель-

ная песня», стихотворение «Дары Терека», поэма «Беглец».

В 1839 году в своей поэме «Мцыри» Лермонтов описал бой юноши-горца с барсом. Это — тема старинной хевсурской песни о битве юноши с тигром. Тема этой же древней народной песни вошла в гениальную поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Борьба храбрых, жажда победы и подвига, которая выражена в грузинской народной песне, вдохновили Лермонтова на создание сцены битвы монаха-послушника с барсом в поэме «Мцыри».

В сказке «Ашик-Кериб» Лермонтов передал дух азербайджанских сказаний.

Любовь Лермонтова к своему народу помогла ему постигнуть красоту поэзии грузинского и азербайджанского народов.

Круг тем и образов Лермонтова обогащался от соприкосновения с народной поэзией.

Народные сказания и легенды наполняли его творчество ощущением живой действительности. Поэтому от еще романтических поэм «Демон» и «Мцыри» Лермонтов мог перейти к реалистическому «Герою нашего времени», в котором с простотой и объективностью показаны и старый штабс-капитан, и Казбич, и Бэла.

В Гродненском полку Лермонтов пробыл недолго. Бабушка выхлопотала ему разрешение вернуться в столицу, и в апреле 1838 года он был снова переведен в лейб-гвардии гусарский полк.

Лермонтов вернулся в Петербург знаменитым поэтом.

Он познакомился со многими литераторами и часто бывал у писателя Владимира Федоровича Одоевского, у вдовы и дочери историка Карамзина, у А. О. Смирновой, приятельницы Пушкина; встречался с писателями Жуковским, Вяземским, Соллогубом, Мятлевым, Панаевым и другими.

Лермонтов часто бывал в светских салонах и на балах, но светская жизнь и военная служба тяготили его. В письме к своей московской приятельнице он писал:

«Я несчастнейший человек; вы поверите мне, когда узнаете, что я каждый день езжу на балы. Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода. Меня наперерыв отбивали друг у друга... Все те, кого я преследовал в моих стихах, окружают меня теперь лестью... Тем не менее я скучаю... Учение и маневры производят только усталость. Просил отпуска на полгода, отказали. На 28 дней — отказали. На 14 дней — великий князь и тут отказал... Просился на Кавказ — отказали... Я начинаю находить всё это несносным...»

Лермонтов жил среди чуждых ему людей. Вокруг себя он видел пустоту и равнодушие, отсутствие политической борьбы.

Раздумье над судьбой своего поколения Лермонтов выразил в стихотворении «Дума», которое Белинский назвал сатирой на современное общество.

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
    В бездействии состарится оно.
    Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь
без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.

«Эти стихи писаны кровью, — писал Белинский; — они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?»

После «Думы» Лермонтов написал стихотворение «Поэт». В нем он выразил свой взгляд на роль и назначение поэзии.

Лермонтов порицал современную ему поэзию, отошедшую от общественной борьбы:

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Лермонтов видел призвание поэта в обличении общественных пороков. Он считал, что поэт должен быть глашатаем правды и добра, трибуном, «воспламеняющим бойца для битвы» звуком «могучих слов».

Вспоминая о революционных поэтах прошлого, он писал:

Твой стих, как божий дух, носился
над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Порицая современную ему поэзию в другом стихотворении, «Не верь себе», Лермонтов обращался к поэту-современнику со словами:

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?

О себе и о назначении своей поэзии Лермонтов говорил в стихотворении «Журналист, читатель и писатель»:

Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...

Великому призванию поэта, которому еще в ранней юности посвятил себя Лермонтов, служил теперь его созревший талант.

Он обличал то общество, к которому принадлежал сам. Он призывал к действию; в его устах это означало — к революционному действию.

Лермонтов не представлял себе поэзии без борьбы. И своей жизнью и творчеством он боролся против своего класса.

В стихах на смерть Пушкина Лермонтов обвинил самодержавие и высшую знать в убийстве великого поэта и открыто выступил на путь обличения пороков аристократического

общества. Началась непримиримая и неравная борьба.

После ссылки на Кавказ Лермонтов в 1838 году снова вернулся в светское общество, но уже сознавал трудность борьбы с ним.

«Обретенный мною опыт, — писал Лермонтов, — полезен в том отношении, что дает мне оружие против общества».

Этим оружием стала поэзия Лермонтова.

«На поверхности официальной России, «фасадной империи», виднелись только одни потери, свирепая реакция, бесчеловечные преследования, усугубление деспотизма. Виднелся Николай, окруженный посредственностями, солдатами парадов, балтийскими немцами и дикими консерваторами — сам недоверчивый, холодный, упрямый, безжалостный, с душою, недоступною высоким порывам, и посредственный, как его приближенные».

Так описал Герцен Российскую империю Николая I.

Иван Сергеевич Тургенев, тогда еще молодой человек, видел в 1839 году Лермонтова на балу в Петербурге. Он выделялся в окружавшей его пестрой, нарядной и бездушной толпе. «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, — вспоминал Тургенев, — какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз... Внутренне Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втолкнула судьба».

Стихи Лермонтова, написанные в это время, исполнены герценовской ненависти. Он писал

о судьбе своего поколения, которое в условиях николаевской России неизбежно должно было стариться в бездействии —

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подлеца, —
Искать чинов, мирясь с людским
презреньем...

Только в узком кружке приятелей Лермонтов чувствовал себя среди своих.

В это время в Петербурге собирался кружок гусарских офицеров и университетской молодежи, в котором участвовали Лермонтов и его друг Столыпин. Кружок этот по числу своих членов получил название «Кружка шестнадцати».

Каждый вечер, после театра или бала, кружок этот собирался то у одного, то у другого. Через много лет участник этого кружка рассказывал о том, что «в нем всё обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе и не существовало».

Сохранились сведения, что великий князь Михаил Павлович, брат царя, узнав о собраниях гусарских офицеров на квартире у Лермонтова и Столыпина в Царском Селе, говорил, что «разорит это гнездо», то есть уничтожит сходки в доме, где они жили.

«Беспокойный поэт» Лермонтов нарушал стройность «фасада империи».

В конце 1839 года беллетрист и светский хлыщ граф Соллогуб написал повесть «Большой свет».

В ней он изобразил бедного армейского офицера Леонина, прихвостня приятеля своего Сафьева, льва столичных гостиных. Бедный офицерик влюблен в одну из самых богатых и красивых петербургских дам и всюду за ней следует. «Леонин был человек слишком ничтожный, — писал граф Соллогуб, — чтобы обратить на себя внимание света».

Повесть «Большой свет» — пасквиль на Лермонтова. В своих воспоминаниях Соллогуб признался, что под именем Леонина он изобразил Лермонтова и что написал свою повесть по заказу великой княжны Марии Николаевны, дочери царя.

Светский болтун граф Соллогуб был использован двором и аристократией для борьбы с поэтом Лермонтовым.

В ночь под 1 января 1840 года Лермонтов был на маскараде в Благородном собрании.

Тургенев наблюдал, как «ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, — писал Тургенев, — что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки...»

Особенно приставали к Лермонтову две маски, в розовом и в голубом домино. Не подавая виду, что он узнал их, Лермонтов сказал дерзость.

Под масками скрывались великие княжны, дочери царя.

Поведение Лермонтова в высших кругах нашли слишком вольным.

В половине января в журнале «Отечественные записки» появилось стихотворение, помеченное 1 января:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...
. . . .

Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
. . . .

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник нéзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

В высших кругах поняли, против кого направлено стихотворение, и «многие выражения в нем показались непозволительными».

Нужно было найти повод, чтобы снова убрать Лермонтова из Петербурга.

Повод был вскоре найден.

Через таких же любителей интриги и сплетни, каким был граф Соллогуб, была распространена эпиграмма Лермонтова, написанная

им еще в юнкерской школе на одного из его товарищей, юнкеров. Эту эпиграмму сообщили де-Баранту, сыну французского посланника в Петербурге, как якобы написанную с целью высмеять его в глазах одной дамы.

На великосветском балу Барант потребовал объяснений от Лермонтова.

— Если бы я был в своем отечестве, — сказал в разговоре с Лермонтовым Барант, — то знал бы, как кончить дело.

— Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, — ответил Баранту Лермонтов, — и мы, русские, не меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно.

18 февраля 1840 года состоялась дуэль. Барант промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух.

Дуэль эта не должна была иметь дурных последствий. Она окончилась бескровно, и Лермонтов стрелялся для того, чтобы защитить честь русского офицера перед иностранцем. Однако Лермонтов был арестован и предан военному суду.

Даже с точки зрения царского суда Лермонтов должен был принять вызов Баранта. Но аристократические круги, желая во что бы то ни стало убрать Лермонтова, распространили ложный слух, что Лермонтов на суде говорил о том, что пощадил жизнь Баранту.

Лермонтов через приятелей вызвал к себе на гауптвахту Баранта и предложил ему вновь стреляться по окончании ареста. Барант отказался, заявив, что удовлетворился объяснениями Лермонтова. Но начальство узнало об этом, и это ухудшило положение Лермонтова.

В заключении, в ордонансгаузе, Лермонтова навестил Белинский. Когда они встречались в редакции «Отечественных записок», у Краевского, казалось, что им не о чем было разговаривать. Здесь они нашли общий язык. У гвардейского офицера Лермонтова и у разночинца Белинского, вождя революционно-демократической мысли России того времени, оказались общие воззрения на литературу.

Лермонтов начал развивать Белинскому свои мысли и постепенно воодушевлялся. «Я смотрел на него, — рассказывал потом Белинский, — и не верил ни глазам, ни ушам своим: лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собой... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть... Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец-таки удалось его видеть в настоящем свете».

А в письме к своему приятелю Белинский писал о встрече с Лермонтовым: «Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство! Какой глубокий и чистый, непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого... Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого».

Белинский давно следил за появлением в печати стихотворений Лермонтова и был поражен силой и зрелостью таких вещей, как «Бородино», «Песня про купца Калашникова», «Дума», «Поэт», «Не верь себе», «Дары Терека», «Памяти Одоевского», «И скушно и

грустно», «Как часто, пестрою толпою окружен...»

Белинский в то время работал над статьей о стихотворениях Лермонтова.

«Чорт знает, мне страшно сказать, — писал Белинский приятелю, — а мне кажется... что Пушкин умер не без наследника».

Лермонтов при свидании в ордонансгаузе рассказал Белинскому о своих замыслах и планах. Он хотел написать романы о трех эпохах: роман из времен царствования Екатерины II, роман из эпохи войны 1812 года и царствования Александра I и роман из современной жизни.

Он говорил с Белинским о своем желании освободиться от военной службы и целиком отдаться литературе.

Современник Белинского, критик Анненков вспоминал, как под влиянием личности и творчества Лермонтова Белинский мало-помалу проникся тем взглядом, «что единственная поэзия, свойственная нашему веку, есть та, которая отражает его разорванность, его духовные немощи, плачевное состояние его совести и духа. Лермонтов был первым человеком на Руси, который навел Белинского на это созерцание... Оно пустило обильные ростки впоследствии».

Из этих слов Анненкова видно, какое в то время большое сходство было в идеях и настроениях Лермонтова и Белинского.

При свидании в ордонансгаузе Лермонтов и Белинский поняли, что у них общие взгляды и что они борются за общее дело великой русской литературы.

13 апреля 1840 года Николай I, по докладу военного суда, вынес решение о судьбе Лермонтова: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином».

Тенгинский полк воевал с горцами на Кавказе. Лермонтова второй раз отправляли в ссылку под пули горцев.

Но этим дело не ограничилось. Бенкендорф, желая скомпрометировать Лермонтова в глазах петербургского общества, потребовал, чтобы он написал письмо Баранту с признанием «ложных показаний на суде». Лермонтов отказался.

Насмешливо обращаясь в стихах к богу, Лермонтов «благодарил» его за «месть врагов и клевету друзей».

В последних числах апреля Лермонтов уехал из Петербурга на Кавказ.

Уезжая, он написал стихотворение, в котором выразил всю ненависть и презрение к империи Николая I, Бенкендорфов и Клейнмихелей:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Это стихотворение распространилось во множестве списков.

В 1840 году в Петербурге вышел роман Лермонтова «Герой нашего времени».

М. Ю. Лермонтов.
Рисунок Д. Палена, 1840 г.

Главное действующее лицо романа — офицер Григорий Александрович Печорин.

В «Герое нашего времени» Лермонтов воспользовался некоторыми чертами своего героя, описанного в «Княгине Лиговской».

Если бы Лермонтов продолжил «Княгиню Лиговскую», он вынужден был бы ограничить образ Печорина рамками светской жизни.

Действие «Героя нашего времени» Лермонтов перенес на Кавказ.

Рассказывая о встречах Печорина с представителями светского общества, Лиговскими, со свободомыслящим доктором Вернером, со штабс-капитаном Максимом Максимычем, с черкешенкой Бэлой, с контрабандистами, с офицерами, Лермонтов смог показать своего героя необычайно полно и разносторонне.

Кавказ, где, по словам Льва Толстого, сочетались «две самые противоположные вещи: война и свобода», помог Лермонтову создать типический образ своего современника.

Но современники Лермонтова хотели видеть в Печорине автопортрет автора и портреты его знакомых.

Возражая своим критикам, Лермонтов писал в предисловии ко второму изданию романа: «Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Образу Печорина свойственны лишь отдельные черты характера Лермонтова: его жажда деятельности, острый и проницательный ум, неудовлетворенность окружающей действительностью и стремление беспощадно разоблачать пошлость светского общества.

Но Лермонтов противопоставлял себя Печорину. Лермонтов, автор путевых записок и издатель «Журнала Печорина», описал свою встречу с ним так, что читатель осуждает Печорина, который пренебрег преданной дружбой скромного Максима Максимыча.

Печорин бесконечно мельче Лермонтова.

«Героя нашего времени» Лермонтов мог написать только потому, что он стал выше людей своего поколения и преодолел в себе его пороки.

Печорин не поэт, не писатель. Он не обличает публично пошлость окружающего его общества.

Но даже Печорин одинок в своем обществе. Против него составляется заговор. Его хотят убить на дуэли. Печорина спасает разночинец доктор Вернер.

Лермонтов угадывал свою будущую судьбу, он знал, что гораздо более враждебен обществу, чем Печорин, потому что поэзия вела его к столкновению с обществом.

Он понимал, что поэзия и самые лучшие его чувства, его любовь к народу были враждебны великосветскому обществу.

Лермонтов не мог знать одного: что на дуэли он будет обезоружен презрением к противнику и связан условиями чести того самого аристократического общества, которое он уже изобразил бесчестным.

Это общество использовало для убийства Лермонтова те связи, которые еще оставались между дворянским классом и поэтом.

Лермонтов в «Герое нашего времени» с поразительной силой и беспощадностью нарисовал картину современных нравов.

Он сам сознавал беспощадность своей критики «героев» своего времени. И, отвечая критикам, обвинявшим его в клевете на современное общество, Лермонтов писал: «Отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..»

Роман «Герой нашего времени» составлен из повестей.

До выхода романа Лермонтов печатал в журнале отдельные повести: «Бэла», «Фаталист» и «Тамань».

Публика и критика ожидали собрания повестей Лермонтова, а не романа. Но, благодаря тому, что роман составлен из повестей, Лермонтов нашел способ необычайно полно и разнообразно показать в нем своего героя.

Первый эпизод, «Бэла», Лермонтов использовал для того, чтобы дать читателю внешнее представление о Печорине — так, как его воспринимал скромный штабс-капитан, старый кавказский офицер Максим Максимыч. Рассказ Максима Максимыча является первым звеном в построении образа Печорина.

В следующей повести, «Максим Максимыч», автор «Путевых записок» — Лермонтов — видит Печорина и дает читателю описание его внешности, его манер и поступков.

В повестях «Тамань» и «Фаталист» Печорин сам рассказывает о себе, о своих наблюдениях и встречах.

А в «Княжне Мери» читатель узнает о Печорине из его дневника, писанного им для самого себя, в котором он изливает на бумагу все свои сокровенные мысли и настроения. Из

предисловия к «Журналу Печорина» мы узнаем о его дальнейшей судьбе и о его смерти.

Лермонтов перенес действие «Героя нашего времени» на Кавказ и этим освободил себя от необходимости рассказывать полностью биографию Печорина и причины, заставившие его попасть на Кавказ. Из черновых рукописей Лермонтова мы знаем, что Печорин был сослан.

По своему построению «Герой нашего времени» — редкий пример реалистического романа, свободного от обычной последовательности событий. В построении «Героя нашего времени» Лермонтов опередил свое время. Эта книга подготовила появление «Записок охотника» Тургенева, творчество Льва Толстого и наиболее близкую для нас книгу Достоевского — «Записки из Мертвого дома».

Белинский сразу определил значение этого романа и дал ему высочайшую оценку. И хотя он считал, что образ Печорина не свободен от автобиографических черт, это не умаляло в его глазах значения творчества Лермонтова. «Великий поэт, говоря о самом себе, о своем «я», — писал Белинский, — говорит об общем, о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного в высшем и благороднейшем значении этого слова, поэта, в котором выразился исторический момент русского общества».

В то время, когда в Петербурге обсуждали «Героя нашего времени» и книжку «Стихотворения М. Лермонтова» и Белинский печатал о них восторженные статьи, сам Лермонтов воевал на Кавказе.

Тенгинский полк, в который он был сослан, принимал участие в большом наступлении на Чечню.

11 июля произошел жестокий бой при реке Валерик.

Это сражение Лермонтов описал в замечательном стихотворении «Я к вам пишу»:

. . . .

Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек!
Чего он хочет?.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?..

До Лермонтова в русской литературе никто еще не писал так о захватнических войнах русского самодержавия и о покорении свободных и независимых народов. Лермонтов первый с изумительной правдой и простотой рассказал об этой жестокой войне, чуждой интересам русского народа,

За участие в сражении при Валерике Лермонтов в числе прочих офицеров, проявивших в бою мужество и хладнокровие и неоднократно рисковавших жизнью, был представлен к награде, но в Петербурге его вычеркнули из наградных списков.

Это означало, что отставка, о которой продолжал хлопотать Лермонтов, не состоится.

В начале 1841 года Лермонтов получил разрешение поехать в Петербург в двухмесячный отпуск.

Снова — в который раз! — он проезжал необозримые просторы России.

В том же году Гоголь так описал в «Мертвых душах» путешествие по русским дорогам: «И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за 800 верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батареи, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца...»

В стихотворении «Родина» Лермонтов рассказал о своей «странной» любви к родной

стране, странной с точки зрения официального, казенного патриотизма николаевского самодержавия:

Просёлочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Юрий Самарин вспоминал, как при встрече с ним в Москве в 1841 году Лермонтов выразил свое мнение о современном состоянии России: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого».

В последний год своей жизни Лермонтов полностью осознал, что в николаевской России ему ближе всего интересы русского крестьянства, стонущего под гнетом крепостного права.

Белинский писал о стихотворении Лермонтова: «Если будет напечатана его «Родина», то, аллах керим, что за вещь: Пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

«Если будет напечатана...» Белинский сомневался, может ли быть напечатано патриотическое стихотворение Лермонтова, настолько отличалось оно от официальных стихов о родине.

На следующий день по приезде в Петербург Лермонтов появился на балу у графини Воронцовой-Дашковой.

Появление ссыльного офицера на балу, где присутствовали члены царской фамилии, было сочтено «неприличным и дерзким».

В этот приезд Лермонтов говорил Краев-

скому о своем намерении основать новый журнал, после того как получит отставку.

Он не одобрял направления журнала «Отечественные записки», который издавал Краевский. «Мы должны жить своей самостоятельной жизнью, — говорил он, — и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам всё тянуться за Европою и за французским?.. Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное...»

Отпуск кончался, но Лермонтов задерживался в Петербурге, все еще надеясь на благоприятный результат хлопот об отставке.

В конце апреля Лермонтов получил распоряжение покинуть Петербург в двадцать четыре часа и ехать в полк. На этом настаивал Бенкендорф, которому «не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку».

Лермонтов снова уехал на Кавказ.

Он теперь мог надеяться только на рану. Только пуля могла дать ему длительный отпуск или отставку.

По дороге Лермонтов и сопровождавший его Столыпин решили заехать в Пятигорск. Они довольно легко получили разрешение остаться, для того чтобы пройти курс лечения. Но Лермонтову не суждено уже было уехать из Пятигорска: 27 июля (по новому стилю) 1841 года Лермонтов был убит на дуэли офицером Мартыновым.

Попы, боясь навлечь на себя неприятности, отказывались хоронить ссыльного. Приехавшие

в Пятигорск жандармы распорядились похоронить Лермонтова без всякого шума.

Только через год ослепшая от слез бабушка добилась разрешения перевезти тело Лермонтова в Тарханы, и в апреле 1842 года Лермонтов был вторично погребен в семейном склепе рядом с могилой матери.

Он умер, не достигши двадцатисемилетнего возраста.

Николай I и светское аристократическое общество, так настойчиво искавшие повод «убрать» Лермонтова, были удовлетворены.

Царь позаботился об убийце поэта. Он не только освободил Мартынова от серьезного наказания, но приказал даже принять расходы по суду над убийцей Лермонтова на счет казны. Убийца Лермонтова осуществил давнишнее желание царя и его приближенных.

Когда уже не было в живых других свидетелей, Мартынов и князь Васильчиков, называвший себя другом и секундантом Лермонтова, создали версию о «случайной дуэли», возникшей по вине самого Лермонтова.

В своих рассказах о дуэли они изображали Мартынова «слепым орудием в руках воли провидения». Чтобы окончательно скрыть истинные причины дуэли, Мартынов сфабриковал поддельные документы, которые были опубликованы после его смерти.

Первый биограф Лермонтова, профессор Висковатов, собирая материал для своей книги, которая появилась в 1891 году, не мог, да и не хотел писать правду. Но даже он вынужден был написать:

«Нет никакого сомнения, что г. Мартынова

М. Ю. Лермонтов.
С литографии по портрету работы К. Горбунова, 1841 г.

подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что «обуздание» тем или другим способом «неудобного» юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа...»

«...Некоторые из влиятельных личностей из приезжающего в Пятигорск общества, желая наказать несносного выскочку и задиру, ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, проучит ядовитую гадину.

Как в подобных случаях это бывало не раз, искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги».

Советские литературоведы устанавливают теперь, что главную роль в этой интриге играл князь Васильчиков.

Лермонтов был еще молод, любил танцовать, любил уезжать на лошади в степь; он принимал участие в прогулках и пикниках пятигорского общества.

Лермонтов любил шутить и в шутках был остроумен. Он недолюбливал князя Васильчикова и называл его «умницей» и «Дон-Кихотом иезуитизма».

Обиженный Васильчиков искал повода подстроить ссору Лермонтова с кем-нибудь,

Сперва его выбор пал на офицера Лисаневича. Он пытался убедить Лисаневича, что Лермонтов над ним издевается, но тот отказался со словами: «У меня рука не подымется на такого человека». Вероятно, Лисаневич читал стихи Лермонтова.

В то лето в Пятигорске жил молодой красивый майор Мартынов, тот самый, с которым Лермонтов учился в юнкерской школе. Они считались товарищами. Мартынов носил черную папаху при белой черкеске; иногда он надевал второй кинжал. Лермонтов со смехом уверял Мартынова, что он похож сразу на двух горцев.

Мартынов сам писал стихи, и это увеличивало ироническое отношение к нему Лермонтова. Мартынова уверили в том, что он обижен и заклеймен Лермонтовым.

Вопреки дуэльным правилам того времени, секунданты Мартынова, раздувшие его ссору с Лермонтовым, предложили условия дуэли, которые неизбежно должны были привести к кровавому исходу поединка.

Современники Лермонтова знали, что дуэль с Мартыновым — не дуэль, а убийство, осуществленное по приказу из Петербурга.

Самарин писал: «Лермонтов убит на дуэли на Кавказе Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор. Эта смерть, вслед за гибелью Пушкина, Грибоедова и многих других, наводит на самые грустные размышления».

Многие современники Лермонтова писали в своих воспоминаниях о его дурном характере. В их мемуарах Лермонтов — обыкновенный мо-

лодой офицер Мишель, танцующий на придворных балах.

Действительно, Лермонтов служил в русской армии офицером. В юнкерской школе он писал даже «юнкерские» стихи. У него, как и у всякого, были свои человеческие слабости.

В 1825 году Пушкин сказал: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он мал как мы, он мерзок как мы!»

Сослуживцы судили об офицере Лермонтове и не понимали значения поэта.

К Лермонтову применимы слова Пушкина о Байроне: «Он исповедался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии».

Истинная биография Лермонтова — в его стихах и его прозе. Он жил для того, чтобы их создать.

Поэзия Лермонтова отрывала его от дворянского общества, с которым его связывало рождение и воспитание.

Это общество убило его, как убило Пушкина; потом, оправдываясь, убийцы говорили о плохом характере Лермонтова и клеветали на него, рассказывая о своей дружбе с ним.

Лермонтов, конечно, не был революционером в том смысле, в котором мы понимаем это сейчас. Но в годы николаевской реакции Лермонтов выражал свое негодование на окружавшую его казарменную действительность.

«К несчастью слишком большой проницательности, — писал Герцен, — в нем прибавлялось другое — смелость многое высказывать без подкрашенного лицемерия и пощады. Люди

слабые, задетые никогда не прощают такой искренности... Никто не хотел видеть, сколько боролся этот человек, сколько он выстрадал, прежде чем решился высказать свои мысли. Люди переносят ругательства и ненависть с гораздо большей снисходительностью, чем известную зрелость мысли, чем отдаление от них, не желающее разделять с ними ни их надежд, ни их опасений и осмеливающееся заявлять об этом разрыве».

Свою трагическую судьбу Лермонтов сознавал сам. В последнем стихотворении, «Пророк», он писал о своем одиночестве во враждебном ему окружении:

Провозглашать я стал любви
И правды чистыя ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Великосветское общество могло убить Лермонтова, но остановить движение русской поэзии не могло.

Лермонтов продолжил дело великого русского национального поэта Пушкина.

Он был понят тогда лучшими современниками и представителями революционно-демократической интеллигенции — Белинским, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым.

Теперь творчество великого русского национального поэта Лермонтова стало достоянием народа.

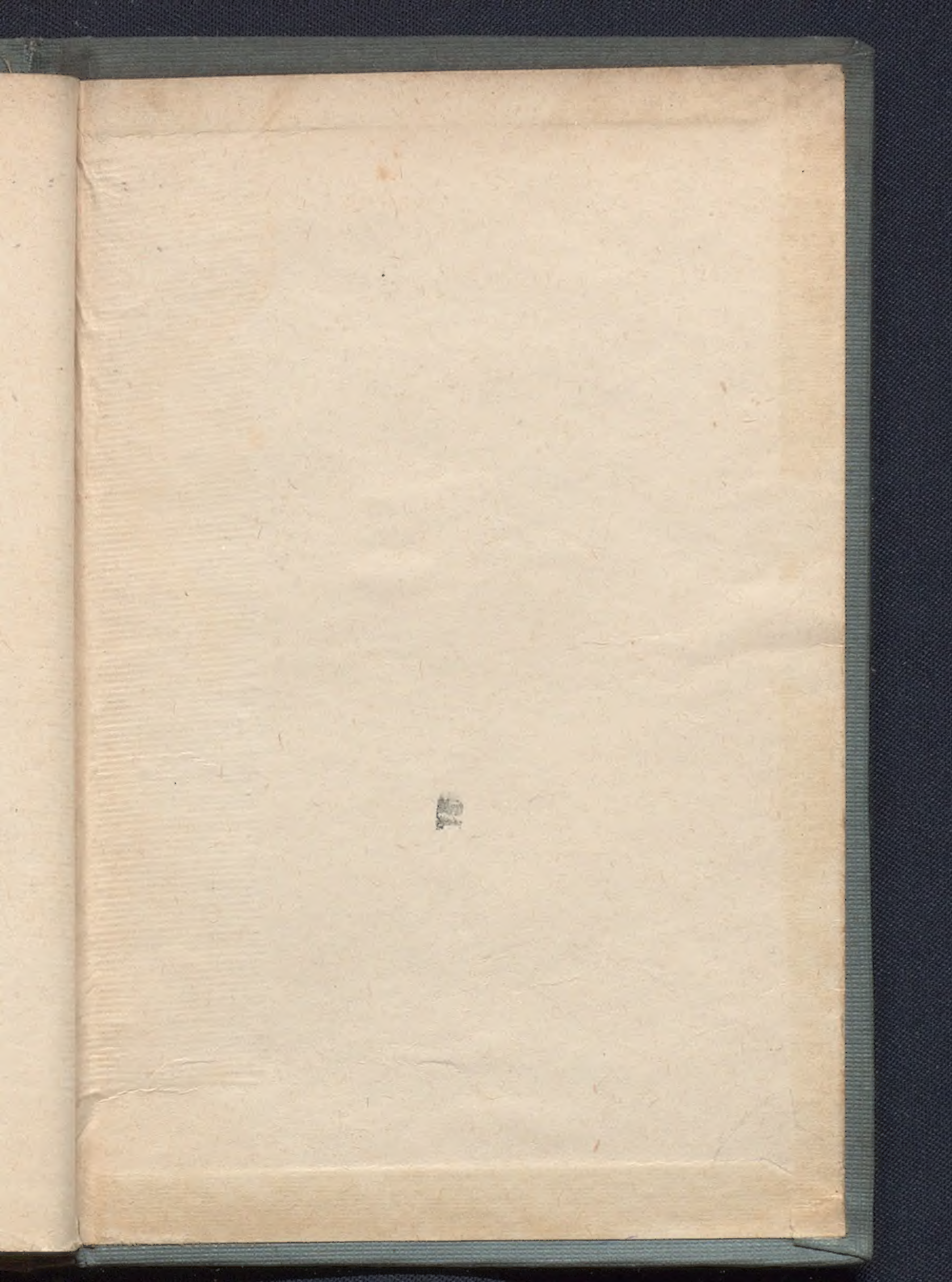
Переплет Г. Фишера.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТОВ

Ответств. редактор Г. Эйхлер.
Худож. редактор А. Чегодаев.
Технические редакторы:
М. Кутузова и Г. Левина.
Корректоры Е. Трушковская
и Е. Балабан.

Сдано в производство 15/VIII 1939 г. Подписано к печати 5/X 1939 г. Детиздат № 2440. Индекс Д-7. Формат $72 \times 93^1/_{32}$. $2^1/_2$ печ. л. (3,02 уч.-авт. л.) $1^1/_4$ бум.л. 94520 зн. в бум. л. Тираж 25000. Уполномоч. Главлита А-19199. Заказ 1581.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 2 р. 50 к.